ПРІЕМЫШЪ.

I. Дядя съ племянникомъ.

Открытыя почтовыя сани мчатся тройкой по ухабамъ и раскатамъ; на нырочкахъ сѣдоки только подпрыгиваютъ, на ухабищахъ ныряютъ съ головой и покрякиваютъ, на раскатахъ лежатъ бокомъ, хватаясь за что ни попало, то въ ту, то въ другую сторону. Послѣ каждой встряски, ямщику доставался тычокъ трубкой въ спину, а съ тѣмъ вмѣстѣ раздавалось: пошелъ! Нынѣ уже нѣтъ ни тычковъ этихъ, ни трубокъ, но дѣло это было около поры послѣдней Турецкой войны; а ѣхалъ гвардеецъ, только что вышедшій въ отставку, хотя онъ едва лишь отлежалъ на усу, такъ безъ тычковъ было ѣхать не можно. Морозище пробиралъ насквозь все живое, а вдобавокъ густая мятель глушила хлопьями завыванья

колокольчика, заваливая и самыя обшевни копной.

— Далеко ли? спросилъ сердитымъ и озяблымъ голосомъ проѣзжій.

— Близко, баринъ, огни видны; слава Богу что доѣхали, не сшиблись съ пути! Я и батюшку вашего, царство ему небесное, важивалъ не разъ, продолжалъ ямщикъ, который прибодрился и сталъ разговорчивъ, когда уже вся гроза миновалась, и близкіе огоньки сулили на водку: тогда еще на чай не просили. Въ послѣдній разъ онъ ѣхалъ съ вами, да втѣпоры вы еще малы были, чай Тереху забыли.

— Помню, помню, отвѣчалъ тотъ, хотя ничего не помнилъ, — только довези меня живаго, а стаканъ вина будетъ. Вѣдь не побывавъ дома десять лѣтъ, нетерпѣнье беретъ, а морозъ поджигаетъ, прибавилъ онъ, какъ бы на мировую съ Терехой и въ законное оправданье своихъ тычковъ.

— Ну, Гаврила, сказалъ баринъ, — доставай скорѣе погребецъ, да хлопочи о самоварѣ, я смерть прозябъ, а когда только

согрѣемся, такъ и валяй, чтобъ быть къ утру дома.

Покрякивая вошелъ онъ въ избу и невольно улыбнулся: за столикомъ сидятъ двое проѣзжихъ, молодой гвардеецъ и середовикъ въ бекешкѣ, изъ самовара передъ ними валитъ паръ, и пахло ромомъ. Привѣтъ за привѣтъ, и нашъ путникъ едва успѣлъ свалить шубу съ плечъ и отряхнуться, какъ его уже ожидалъ стаканъ горячаго чаю. Онъ такъ жадно протянулъ къ нему руку, что едва успѣлъ, опомнясь, подать ее напередъ хлѣбосольнымъ хозяевамъ и просить ихъ познакомиться.

— Я Александръ Сергѣевичъ Осининъ, сказалъ старшій изъ нихъ, — а это племянникъ мой, Степанъ Никитичъ Добрынинъ.

— Какая встрѣча, отвѣчалъ прозябшій путникъ, разминая плеча, — какая пріятная встрѣча съ почтенными сосѣдями! Я помню васъ ребенкомъ, вы бывали у отца моего: я сынъ Петра Иваныча Горячева!

— Вадимъ Петровичъ! И не узналъ бы ни за что!

— Въ десять лѣтъ много воды утекло: я выросъ, вышелъ въ офицеры, успѣлъ уже наслужиться и выйдти въ отставку!

— Уже и въ отставку? спросилъ Осининъ. — Что дѣлать, таковы дѣла наши, надо заняться дома. Да, продолжалъ Осининъ, — немножко позапущено, а хорошее имѣнье; но въ такіе молодые годы....

— Что годы, перебилъ тотъ, сидя на двухъ угодьяхъ, то–есть прихлебывая чай и грѣя руки у стакана, — что годы, человѣкъ живетъ, а не годы: вотъ дѣдушка–то мой, сами знаете, и въ семьдесять лѣтъ такъ похозяйничалъ, что батюшка до конца жизни не могъ поправиться; матушка и не моложе меня, а хозяйничаетъ подгору; она одна, управители плуты, надо заняться самому; имѣнье хорошее, некрошеное; взявшись за дѣло, скоро можно повернуть его на иной ладъ, я живо выгоню всѣхъ негодяевъ этихъ, заведу свои порядки, вы черезъ мѣсяцъ Духовщины моей не узнаете!

Осининъ поглядѣлъ искоса на Вадима, промычалъ, не то одобрительно, не то сомнительно, и подумалъ про себя: «похоже на то!»

— Гаврила, эй, трубку! закричалъ въ теплѣ и нѣгѣ ожившій Вадимъ.

Гаврила расправилъ кисетъ, взялъ въ руки дорогую трубку, которая возилась въ чехлѣ, чмокнулъ и щелкнулъ, крякнулъ и вздохнулъ, почесалъ затылокъ, покачалъ головой, и на вторичный окрикъ барина: трубку! отвѣчалъ:

— Да, была она такова, сударь, вотъ что, изломали вы ее всю дорогой!

— Подай ее сюда!

— Подать можно, не штука, да толку–то нѣтъ.

Баринъ ухватилъ богатой отдѣлки трубку, съ колѣнчатымъ, черепаховымъ чубукомъ, сталъ ее нетерпѣливо поправлять, что–то снова подъ руками хруснуло, и онъ ее бросилъ на лавку, сказавъ сердито: «Ну, что за бѣда, пошелъ, достань скорѣе другую!»

Гаврила молча вышелъ и ворчалъ, обезпечивъ себѣ отступленье притворенными дверми:

— Подай другую! Намъ вишь все шутка, и сотенная вещь нипочемъ, а въ отставку выходимъ потому, что по–питерски жить нечѣмъ, а теперь вотъ подавай другую, еще подороже, да разстегивай и разбирай въ эту погоду чемоданъ, а дастъ Богъ, и эту объ кого–нибудь изломаемъ!

Позвавъ на помощь стараго знакомаго своего, съ коимъ столкнулся въ черной избѣ такъ же нечаянно, какъ и баринъ его, кучера Осинина, Гаврила притащилъ чемоданъ въ ямскую и сталъ его разстегивать.

— Ну, что, спросилъ кучеръ, — чай на побывку ѣдете?

— Нѣтъ, Ѳомичъ, въ чистую вышли.

— Что рано больно?

— Да не нашли толку въ службѣ.

— Экіе жь вы безтолковые! А какъ же люди–то съ толкомъ служатъ?

— Ну вотъ поди! Гвардейщина–то деньгу любитъ, а Питеръ бока повытеръ,

распискамъ не вѣритъ, хоть, правда, и пропасть мы ихъ тамъ оставили; опять же служба обидная, иной изъ мелкой сошки отъ нечего дѣлать до полковника дослужится, ну и стой передъ нимъ навытяжку, а баринъ нашъ, самъ ты знаешь, роду не простаго.... и этой достанется голову сломить, продолжалъ онъ, вынимая изъ особой укладочки великолѣпную пенковую трубку въ серебрѣ, съ янтарнымъ мундштукомъ: — эка штука, вещичка–то какая!

Всѣ кинулись смотрѣть трубку, и наполатяне и подполатяне, а Гаврила, приподнявъ вещичку и подбоченясь, горделиво повертывалъ ее туда и сюда, какъ вдругъ громкій зовъ барина испортилъ все дѣло, и Гаврила опрометью кинулся съ трубкой на ту половину.

— Вотъ они каковы, сказалъ Осининъ, когда Горячевъ ускакалъ, — вотъ они, хозяева и преобразователи наши! Хозяйству онъ выучился по театрамъ, а счетоводству, давая неоплатныя расписки, и теперь скачетъ сломя голову, чтобы перевернуть и

устроить въ одинъ мѣсяцъ имѣніе, порядочно разстроенное уже дѣдомъ его!

— Это сынъ Горячевой, у которой мы были, дядюшка? спросилъ Добрынинъ.

— Да, онъ и есть.

— Ты, дядя, что–то объ ней отозвался съ ужимкой, а она мнѣ показалась умною, образованною женщиной?

— Вся на симахъ, отвѣчалъ дядя, негодуя: — выпускная кукла, ни кровинки живой природы, съ ногъ до головы окутана подлогомъ. Ханжа.

— Но, дядя, меня все это дивитъ, хотя я вѣдь тебя знаю и тебѣ вѣрю, я хотѣлъ только сказать, что сумѣла же она дать такое образованіе воспитанницѣ своей....

— Ну, братъ, по этому не суди. Она могла передать ей кой–какія познанія, въ этомъ не спорю, но образовать ее нравственно не могла, а это не одно и то же. Горячева одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя любятъ и умѣютъ окружать себя молодежью, держатъ воспитанницъ, какъ вабило, но держатъ ихъ подъ невыносимымъ гнетомъ, и, наконецъ,

расходятся съ ними съ шумомъ и бранью, за неблагодарность ихъ, а въ людяхъ говорятъ о такомъ событіи скорбя, съ кротостію, сложивъ ладони, покачивая головой, пожимая плечами, заставляя уважать себя за скромность и молчаливость свою. «Лучше я вынесу все это на себѣ чѣмъ рѣшусь, въ свое оправданіе, повредить доброй славѣ дѣвушки, что мнѣ до свѣту!» Вотъ эти–то слова, слышанныя мною отъ нея однажды, заставили меня грѣшить день и ночь, непрестанно, и ненавидѣть ее. Внѣшность, суетность, свѣтъ, а стало–быть ложь и обманъ, замѣняютъ въ этой женщинѣ и совѣсть, и правду, и, прости Господи, самого Бога....

Все это болѣзненно отозвалось въ груди Добрынина, который и безъ того уже задумчиво и молчаливо покидалъ родину свою, вѣроятно на долго, послѣ мимолетнаго знакомства своего съ воспитанницей Горячевой, извѣстною запросто подъ именемъ Саксонки. Степанъ Никитичъ и самъ былъ съ дѣтства круглымъ сиротой, отца не знавалъ, мать

едва помнилъ, выросъ у дяди и служилъ въ гвардіи. Отецъ и дядя Добрынина были отъ разныхъ отцовъ, первому досталось хорошее наслѣдство, второму небольшое; послѣдній нѣкогда сватался на матери Степана, но ему отказали родители ея, потому что были въ виду женихи побогаче, и Осининъ остался холостякомъ; вскорѣ братъ его женился, пожилъ пышно, промотался, умеръ, и Осининъ принялъ опеку; затѣмъ, похоронивъ и невѣстку свою, сталъ отцомъ своему племяннику. Умный, добрый и честный, онъ сдѣлалъ для Добрынина болѣе чѣмъ бы могъ сдѣлать родной отецъ: онъ не только привелъ въ порядокъ и сохранилъ имѣніе, разстроенное отцомъ, онъ привязалъ къ себѣ Степана и успѣлъ укоренить въ немъ твердую нравственность, честь и правду. Добрынинъ, послѣ многихъ лѣтъ, пріѣзжалъ къ дядѣ на мѣсяцъ въ отпускъ, снова горячо полюбилъ его, нашелъ въ немъ друга, несмотря на различіе въ лѣтахъ, и ввѣрился ему всею душой. Срокъ отпуска былъ на исходѣ, Степану пора

ѣхать, и дядя рѣшился проводить его на два перегона, по тогдашнему обычаю, на своихъ, переночевать съ нимъ, проститься и заѣхать по пути въ одну изъ деревень племянника, коего имѣніемъ онъ все еще управлялъ. Вотъ по какому поводу Горячевъ засталъ дядю съ племянникомъ на станціи, за самоваромъ, и бесѣда ихъ, по отъѣздѣ Горячаго, котораго Добрынинъ въ Питерѣ не знавалъ, длилась далеко за полночь. На робкіе разспросы Степана, который боялся услышать какой–нибудь суровый отзывъ дяди о Саксонкѣ, о Маріонилѣ Богдановнѣ Значковой, воспитанницѣ Горячевой, дядя отвѣчалъ, что онъ знаетъ ее мало, слышалъ же объ ней одно хорошее, а на вопросъ кто она такова, и почему она Саксонка, объяснилъ дѣло такъ: проѣзжая однажды черезъ большое село, Горячева остановилась у священника, гдѣ увидѣла, въ числѣ смуглыхъ дѣтей его, очевидно дѣвочку чужую, бѣлокурую, голубоглазую; подозвавъ ее къ себѣ, она спросила: «кто ты, моя милая, ты не поповна?» «Нѣтъ,

отвѣчалъ кроткій ребенокъ, чистымъ русскимъ языкомъ, я Саксонка!» Этотъ отвѣтъ разсмѣшилъ барыню и завлекъ ее въ подробные разспросы. Во время наполеоновскихъ войнъ, проснувшаяся при взрывахъ Кремля, угнетенная Германія восхищенно привѣтствовала вступленіе войскъ нашихъ въ свои предѣлы; это подлинно былъ взрывъ крика радости всѣхъ народовъ Германіи, блистательное торжество русскаго знамени; вся Европа покланялась имени Русскаго: его встрѣчали празднествами, провожали съ неслыханнымъ почетомъ. Не мало женъ вывезли себѣ оттуда воины наши, и Нѣмки не робѣя выходили за ледовитыхъ медвѣдей, романическія Нѣмки съ полнымъ самоотверженіемъ, очертя голову, рѣшались на эту жертву признательности народу или воинству, спасавшему попранную и угнетенную Германію, народу, о коемъ вдохновенный Кернеръ пѣлъ: «Der Phenix Russlands starzt sich in die Flammen, und sanct Georg schwingt siegend seine Lanze....» Вотъ въ этомъ–то настроеніи

была одна маленькая Саксонка, сгаравшая жаждой принести себя, такъ или иначе, на жертву своему отечеству и обожавшая Русскихъ еще прежде чѣмъ они успѣли достигнуть границъ родной земли ея. Привѣтливость и радушіе ея, при встрѣчѣ перваго русскаго постоя, не знала предѣловъ; пользуясь нѣмецкими обычаями, она прислуживала солдатамъ нашимъ какъ простая работница, и одинъ изъ нихъ, молодой парень, на смерть въ нее влюбился. Товарищи его увѣрили ея родителей, что онъ изъ дворянъ, и это, пополамъ съ грѣхомъ, была правда: онъ писался изъ воронежскихъ однодворцевъ; словомъ, она вышла за нашего рядоваго богатыря Богдана Значкова, и Маріонила дочь его; родители ея умерли, покинувъ сиротку, которую священникъ взялъ въ свою семью, и ее–то Горячева встрѣтила подъ общимъ прозвищемъ Саксоночки. Горячева въ самое это время пріискивала себѣ воспитанницу, поссорясь съ предмѣстницей ея, и потому выпросила

Саксонку у священника, который радъ былъ пристроить сиротку.

— Теперь, любезный Степанъ, идемъ спать, такъ кончилъ Осининъ бесѣду свою, — а утре обнимемся и разъѣдемся. Я вижу, что ты затѣваешь: не спѣши, пережуй и перевари все дѣло, обдумай его спокойно, а я между тѣмъ постараюсь разузнать что можно: такъ и быть, ради друга пойду въ лазутчики; пословица говорится: которая служба нужнѣе, та и честнѣе!

Они обнялись, Степанъ крѣпко сжалъ дядины плеча, а рано утромъ они разъѣхались.

II. Вторая мать.

За нѣсколько времени до описанной встрѣчи на почтовомъ дворѣ, Горячева сидѣла у себя на диванѣ, передъ большимъ круглымъ столомъ, а подлѣ, на креслахъ, съ работой въ рукахъ, Маріонила. Столъ покрытъ былъ богато вышитымъ столечникомъ, и на нѣсколькихъ креслахъ сидѣніе, спинки и подлокотники также

красовались шитьемъ хозяйки, разбиравшей по столу шерсти и гарусы по цвѣтамъ и тѣнямъ большаго рисунка. Тутъ стоялъ рукодѣльный баульчикъ, а рядомъ съ нимъ чернилица, карандаши, узоры и рисунки, бѣлая бумага, початая письмомъ тетрадь, краски съ кистями, пузырекъ или два съ духами; картины духовнаго содержанія перемѣшаны были съ послѣдне–полученными модными покроями, а подъ ними, молитвословъ и романъ Дюкре–Дюмениля. Изящный безпорядокъ показывалъ разнообразіе вкусовъ и занятій любезной хозяйки. Бросая на столъ пукъ шерстей, она жаловалась на недостатокъ всѣхъ тѣней, хватала карандашъ и дѣлала наскоро разчетъ, во сколько петель начинать бисерную тюбетейку или чехолъ на чубукъ; то опять принималась за подборъ шерстей, и снова кинувъ ихъ, расписывала красками внезапно придуманный ею, по вдохновенію, узоръ.... царило молчаніе, но по временамъ требовалось мнѣніе Маріонилы объ этихъ важныхъ предметахъ. Дѣвушка

затруднялась отвѣтомъ, желая угодить своей названной маманъ и опасаясь сказать что–нибудь невпопадъ, и потому отвѣчала робко.

— Помилуй, Мари, сказала та наконецъ въ нетерпѣніи, — да это ни на что не похоже, ты несносна!

Испуганная этою нежданною выходкой, предвѣстницей грозы, Марьяша опустила руки съ работой и обратила все свое вниманіе на разложенныя кучки шерсти, но уже было поздно, квашня ушла черезъ край.

— Ты просто груба и дерзка становишься со мной, ты забываешь чѣмъ мнѣ обязана, забываешь кто и что ты....

Маріонила встала и потупя глаза молчала; Горячевой стало какъ–то неловко, но какъ мы своей вины никому не прощаемъ, то и надо было поддержать негодованіе свое уликой:

— Я цѣлый часъ не могу добиться отъ тебя, какъ ты находишь (comment trouvez vous) эту арабеску и звѣздочку эту, на

тюбетейку, а меня это интересуетъ, вѣдь это мой рисунокъ, я его сама скомпоновала!

— Да я же отвѣчала вамъ, maman, и не одинъ разъ, что это будетъ чудесно!

— Да ты отвѣчаешь сухо, будто нехотя, съ такою неодушевленною миной, которая ясно обличаетъ равнодушіе, безучастность твою къ тому, что меня такъ занимаетъ!

И Маріонила, вздохнувъ незамѣтно, отложила свою работу, воодушевилась и стала усердно разсуждать объ узорахъ для будущей тюбетейки.

— Принеси же мнѣ бисеръ мой, Мари, мы сейчасъ его подберемъ.

Маріонила принесла ларчикъ съ цвѣтными бисерами, другой съ металлическими, но всего этого, для причудъ Горячевой, было мало, и она чуть не расплакалась отъ жалости надъ собой, что у нея у бѣдной во всемъ недостатокъ, и никто объ ней не позаботится, и скоро она будетъ сидѣтъ сложа руки, потому что не изъ чего работать....

— Съ тѣхъ поръ какъ завелась у насъ эта глупая фабрика, мой Василій

Александрычъ (управитель) сталъ невидимкой, сидитъ тамъ, потонулъ въ безтолковыхъ разчетахъ, и не знаешь какъ и когда передать ему, что нужно купить или выписать изъ Москвы; и все только слышишь отъ него одну пѣсню: — денегъ нѣтъ, подождите! Я къ поджидамъ этимъ не привыкла, а онъ выслуживается только сыну, Вадиму, забывая чѣмъ онъ мнѣ обязанъ! Вотъ благодарность за все добро мое! Мари, приготовимъ–ка записку, чего намъ нужно изъ Москвы, возьми перо, пиши: напередъ всего, бронзоваго, стальнаго, серебрянаго, граненаго бисера, по десяти кистей; голубаго, бирюзоваго, побольше; шерстей, подобранныхъ по приложенному узору....

И вдругъ Марія Ивановна остановилась, глаза ея просіяли, счастливая мысль ее озарила.

— Да вотъ что, Мари, вотъ что мнѣ пришло въ голову, мы сами съѣздимъ въ Москву, чего же лучше! Наобумъ всего не придумаешь, я совсѣмъ обнищала

припасами, а тамъ Кузнецкій мостъ напомнитъ, только поспѣвай укладывать!

Маріонилѣ нельзя было молчать, а еще опаснѣе было бы возражать на безразсудную затѣю, надо было соглашаться, одобрить эту выдумку, выказать свое участіе, радоваться, даже благодарить, потому что все это дѣлалось для нея! Она осмѣлилась только усомниться насчетъ расходовъ....

— Ну, ужь этихъ наставленій ты не читай мнѣ, отвѣчала та, уставивъ на нее глаза и покачивая головой.

— Вы съ Вадимомъ заодно, какъ я вижу, и онъ вздумалъ мылить голову Александру Васильевичу, что у насъ много денегъ выходитъ, то–есть посчитаться съ родною матерью — и это похвально, это въ духѣ молодаго поколѣнія, это благодарность за наши заботы и жертвы — и понесла, и понесла, споткнувшись, наконецъ, на томъ, что сынъ даже осмѣлился погрозить ей отставкой, потому что на его долю мало высылается денегъ, и что такъ служить въ гвардіи нельзя.

— Но это вздоръ, закончила она, — этого я ему не позволю; молодъ еще, и здѣсь ему дѣлать нечего!

Дверь отворилась, и вошелъ управитель, бывшій дядька молодаго барина, изъ заслуженныхъ дворовыхъ.

— Здравствуйте, милостивый государь мой, Василій Александрычъ, наконецъ–то имѣю удовольствіе васъ видѣть! Что новенькаго, хорошенькаго?

— Мало хорошаго, сударыня, пора тяжелая....

— Ну, такъ я и думала: у него вездѣ свои лазутчики есть, въ угоду молодому барину.... Эй, Машка, Сашка, Сенька, кто изъ васъ подслушалъ насъ, кто пересказалъ Василію Александрычу, что мнѣ денегъ нужно, что я въ Москву ѣду, а? Вотъ онъ и надѣлъ на себя постную маску, и охаетъ, едва переступивъ порогъ.... На кутежъ молодому барину достаетъ, на гвардейскія выходки станетъ, а на нужды бѣдной матери нѣтъ, плохи времена! А скажи–ка ты по правдѣ, много ли услано Вадиму Петровичу?

— Онъ воленъ и въ насъ, и въ своемъ добрѣ, матушка, я усчитывать ихъ не смѣю....

— А, вотъ какъ, а ужь я и невольна, я ужь не нужна болѣе Василію Александрычу, онъ своему барину служитъ, молокососу, а чѣмъ онъ обязанъ старой барынѣ своей, объ этомъ онъ давно позабылъ, этого онъ не поминаетъ: сунемъ ей кусокъ хлѣба, и пусть себѣ вѣкъ доживаетъ, мы ей лиха не желаемъ....

Огорченная этимъ неприличіемъ Маріонила вышла изъ комнаты, управитель вздохнулъ и молчалъ; давъ барынѣ наругаться надъ собой вволю, онъ сталъ молча раскланиваться, но та, по лукавому обычаю своему, вдругъ перемѣнилась, ласково улыбнулась и протянула ему руку на поклонъ, будто все это говорено было только въ шутку. «Ну поди, поди сюда, старый брюзгачъ, не дуйся, а полторы тысячи припаси мнѣ къ первому зимнему пути, я ѣду въ Москву.»

— Я, сударыня, дуться не смѣю, и никогда за мной этого не бывало, а денегъ

такихъ нѣтъ у насъ, и къ зимѣ имъ быть неоткуда, ихъ, сударыня, и снѣгомъ къ намъ не занесетъ.... сукна наши обракованы, прикащикъ воротился съ пустыми руками, а къ сроку ихъ поставить надо, либо неустойку платить раззорительную....

— Пожалуста, Василій Александрычъ, избавь меня, по дружбѣ, отъ этихъ разчетовъ; я вѣдь ужь болѣе не хозяйка въ дому, разчеты — это ваше дѣло, а мнѣ все-таки полторы тысячи къ зимѣ припаси!

Управитель молча поклонился и вышелъ.

Скажемъ теперь слово о Маріонилѣ, о Марьяшѣ, какъ звали ее ребенкомъ въ дому священника, о Мари или Нилочкѣ, какъ слыла она у второй названной матери своей, Горячевой.

Теплой и кроткой души отъ природы, покойная и разсудительная, она съ малаго дѣтства привыкла къ своему ничтожеству и покорности. «Ты, Марьяша, терпи, все терпи,» говаривалъ ей дѣдушка, какъ звала она стараго, безмѣстнаго священника,

принявшаго сиротку, хотя онъ и самъ былъ подъ гнетомъ горькой участи: онъ передалъ мѣсто свое за дочерью, и не зналъ куда дѣваться отъ сварливаго, неуживчиваго зятя, попрекавшаго его день въ день малымъ приданымъ. «Ты терпи, Марьяша, Богъ увидитъ; въ терпѣніи стяжити души ваши, сказано въ Писаніи, ты и смирися, когда зятекъ мой бранится; а что мать съ тебя работу спрашиваетъ, это тебѣ же впередъ пойдетъ напрокъ — да и матери пособить надо, гдѣ жь ей одной съ такой семьей справиться, а ужь вѣдь ты стала большенькая!»

Марьяша слушала чутко и переносила все, но не могла вынести одного, когда дѣдушка молча терпѣлъ горькія обиды отъ своего зятя: какъ испуганная пташка, она убѣгала и пряталась, чтобы не слышать этого, или съ плачемъ кидалась ему на шею, повторяя его же утѣшенія, которыя ей самой столько разъ облегчали сердце.

— Ты мнѣ, дѣдушка, все говоришь: въ терпѣніи стяжите души ваши — какъ же это стяжаютъ душу?

— А вотъ какъ, отвѣчалъ тихимъ голосомъ дѣдушка, глотая слезы: — какъ станетъ тебѣ горькая обида поперекъ горла, да сердце начнетъ мутить душу, такъ ты зубки–то стисни, да и не пропускай ни словечка, нишни! А мыслію ты про себя Господню молитву твори, вотъ сердце–то души и не одолѣетъ! А душа–то, Марьяша, отъ этого все крѣпнетъ да растетъ, и до Бога дорастетъ!

Послѣ такихъ утѣшеній, у обоихъ обновлялись духовныя силы: у ребенка, въ согласной красотѣ съ душой, развивалось и тѣло, а у старца — зрѣлый безсмертный духъ готовился радостно покинуть обветшалый остовъ. Но слово дѣдушки: «душа смиреніемъ растетъ, до Бога дорастетъ,» запало глубоко въ душу Марьяши и осталось навѣкъ незримымъ утѣшителемъ и руководителемъ; живое воображеніе ребенка рисовало какую–то картину этого роста души, дорастающей до Бога, а позже, понявъ дѣдушкино слово и обнимая его всѣми помыслами своими, она радостно уносилась духомъ въ обѣтованный

край, забывая всѣ суетныя невзгоды. Переименованная, въ новомъ быту своемъ, въ Нилочку и въ Мари, она жила прошлымъ, въ немъ искала и находила утѣшеніе свое, и сокровищница ея, память сердца, выносила ей *бисеръ добрый*, на покой духа. Въ то время чистые и нѣжные звуки Жуковскаго раздавались у насъ повсюду во всей силѣ своей: младенческая душа поэта увлекала сродныя ей души, унося ихъ въ загадочный міръ первообразовъ; звуки эти, въ коихъ заключались и напѣвъ и рѣчь, и музыка и поэзія пѣсни, наводили на тогдашнюю молодежь мечтательность, нерѣдко праздную, не совсѣмъ пригодную для дѣятельной жизни, но за то они охраняли нравственную чистоту, и многихъ, обаятельностію своею, удержали на правой стезѣ. Вотъ чѣмъ жила Маріонила, и духъ матери, которой она почти не помнила, и дѣдушка, также давно переселившійся въ вѣчность, до коей доросла душа его, были ея ангелами–хранителями.

Но возвратимся къ насущному. Какъ только управитель ушелъ и бесѣда замолкла, Маріонила поспѣшила опять выйдти въ гостиную. Марьѣ Ивановнѣ казалось, что она, отправивъ докучливаго управителя короткими словами, кончила дѣло и устроила свою поѣздку.

— Ну, Мари, сказала она, — превесело мы съ тобой съѣздимъ въ Москву, и ты увидишь чего и во снѣ не видывала, надѣюсь, мы натѣшимся тамъ, и всего, всего навеземъ съ собой; тогда и здѣсь на насъ посмотрятъ не тѣмъ глазомъ, и Соловкова не станетъ фуфыриться передъ нами въ крахмальныхъ тряпкахъ своихъ.... Таня! позовите Татьяну!

Горничная вошла.

— Таня, мы по первопутью ѣдемъ въ Москву, слышишь; рада ли ты?

— А мнѣ что жь за радости, сударыня, воля ваша, какъ прикажете.

— Экая дура, и не знаетъ другихъ радостей, какъ сидѣть въ избѣ, со своимъ Прокофьичемъ, навѣшавъ себѣ на шею семерыхъ ребятъ!

— А какъ же, сударыня, неужто я мужа да семью на Москву промѣняю?

— Стало–быть ты не хочешь ѣхать со мной?

— Да какъ же я смѣю не хотѣть, сударыня, вѣдь я не какая–нибудь вольная, я раба ваша!

— А мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты чувствовала привязанность ко мнѣ, какъ я тебѣ это сто разъ толковала, чтобы ты мнѣ служила охотно!

— Я, конечно, чувствовать обязана, сударыня, и чувствую.

— Ну, такъ поди же къ своему Прокофьичу!

— Она, кажется, также изъ кантонистовъ, прибавила Марія Ивановна, заливаясь хохотомъ.

Острота эта относилась къ недавнему случаю: какой–то отставной старикъ, бывшій коммиссаръ или экономъ, разказывалъ страшныя подробности о московскомъ пожарѣ 12–го года, пробывъ самъ въ Москвѣ, при Воспитательномъ домѣ, все время стоянки тамъ Французовъ;

слушая его, чувствительная Марья Ивановна воскликнула:

— Боже мой, какіе ужасы! скажите намъ, пожалуста, опишите, что вы чувствовали въ это время?

— Да что жь намъ чувствовать, сударыня, отвѣчалъ ей добродушный коммиссаръ, — вѣдь мы изъ кантонистовъ....

Поѣздка въ Москву, по поводу недостатка бисеру и гаруса, до того одушевила Горячеву, нечаянная выдумка эта такъ ее утѣшала и забавляла, что недѣля проходила за недѣлей, а она все не могла наговориться обо всѣхъ усладахъ, какихъ ожидала и готовила себѣ въ Москвѣ, не забывая однако же ни разу кстати припомнить, что приноситъ жертву эту ради своей воспитанницы, и что нельзя же не потѣшить молодежи, не свезти Нилочки, для окончанія образованія ея, въ Москву. Не смѣя отклонять отъ себя такой раззорительной, безразсудной потѣхи, для которой она должна была служить предлогомъ, Маріонила должна была

каждый разъ снова восклицать, въ отвѣтъ и привѣтъ на такую наглую ложь: «О maman, какъ вы добры!» Чистая душа эта, подъ руководствомъ воспитательницы и благодѣтельницы своей, не только должна была лгать, она вынуждена была изучать искусство притворства, согласуя всякое проявленіе чувствъ и мыслей своихъ съ волею названной матери. Бѣдняжку нерѣдко при этомъ пробиралъ внезапный ознобъ, и мурашки пробѣгали по всѣмъ суставамъ; но опасеніе взрыва страшной грозы смиряло негодованіе и омерзеніе совѣсти ея.

Среди жаркой бесѣды о предстоящихъ удовольствіяхъ, о театрахъ и концертахъ, слуга доложилъ, что племянникъ Горячевой, проѣздомъ изъ Питера, заѣхалъ повидаться. Радость ли, испугъ ли, нечаянность пріѣзда, только Марья Ивановна, по слабонервному обычаю своему, чуть–чуть не обомлѣла, но смогла еще кивнуть головой, что значило: проси сюда, и на сей разъ она счастливо отмахалась платочкомъ.

— Жоржъ, откуда Богъ тебя принесъ!...

Пошли обниманья, и Жоржъ объяснилъ, что ѣдетъ въ отпускъ, къ отцу, и заѣхалъ по пути отдать тетушкѣ почтенье, что Вадимъ Петровичъ цѣлуетъ у маменьки ручку и прочее.

— Вотъ счастливый отецъ! сказала хозяйка, съ миловидною улыбкой: — свидится съ сыномъ; а я, бѣдная, Богъ вѣсть, скоро ли дождусь этого счастья!

— Какъ, вы шутите, тетушка?

— Нисколько.

— Да вѣдь Вадимъ Петровичъ скоро будетъ у васъ, вѣдь онъ только ждетъ отставки своей....

— Отставки! вскрикнула нѣжная мать, и покатилась въ кресла. Стклянoчки на столѣ, припасенныя на подобный случай, пошли въ дѣло, Маріонила засуетилась, и все кой–какъ вошло опять въ свой порядокъ.

Умный племянничекъ, огорошивъ этою вѣстью тетушку и сбивъ ее съ ногъ, испугался, хотѣлъ–было отречься отъ словъ своихъ, или повернуть ихъ въ шутку,

но долженъ былъ разказать все что зналъ. Онъ никакъ не полагалъ, что Вадимъ оставляетъ службу въ свою голову, даже не увѣдомивъ объ этомъ матери; онъ рѣшился на это, по словамъ Жоржа, потому, что хозяйство идетъ плохо, служитъ въ гвардіи съ такими средствами нельзя, и онъ хочетъ облегчить заботу матери, которая не можетъ усмотрѣтъ за всѣмъ, онъ самъ хочетъ дома хозяйничать.... Пріятная вѣсть для нѣжной матери, собиравшейся на Кузнецкій Мостъ за бисеромъ!

Вѣсть о скоромъ пріѣздѣ барина разнеслась по всему дому. Онъ, съ производства своего въ офицеры, былъ дома одинъ только разъ, и то не на долго, но у прислуги есть какое–то особое чутье на оцѣнку господъ, и его считали мотомъ, запальчивымъ и вбалмошнымъ. Всякъ готовился чѣмъ–нибудь угодить на барина, устроивъ въ то же время и свои дѣлишки. Управитель, бывшій дядька Вадима, былъ изъ числа старыхъ и по–своему вѣрныхъ слугъ, который однако же, при безтолковомъ управленіи стараго барина и

неукротимомъ нравѣ его, привыкъ поневолѣ обманывать господъ, нерѣдко для ихъ же пользы, натягивая скатерть на красный конецъ. Онъ былъ плохой хозяинъ, и не видавъ никогда путнаго хозяйства, строилъ и заводилъ то овчарни и скотные дворы, то свѣчной заводъ и суконную фабрику, самъ ничего не смысля, а по господскому приказанію, и потомъ не умѣлъ свести концовъ. Если онъ, при удобномъ случаѣ, и награждалъ самъ себя чѣмъ–нибудь сверхъ скуднаго жалованья, то при первой же неудачѣ въ безтолковыхъ оборотахъ совалъ на затычку все что у него было, безъ различія, и свое честно сбереженное жалованье, и отложенную въ запасъ, про черный день, барскую собь; такимъ образомъ онъ хозяйничалъ много лѣтъ и перепуталъ дѣла и счеты до нельзя. Онъ самъ, по совѣсти, не зналъ, онъ ли, круглымъ счетомъ, утаилъ и нажилъ что изъ барскаго дохода, или задержалъ свое за барина, а зналъ только, что не сберегъ почти ничего. Другой хозяинъ, дворецкій, былъ тупъ умомъ, но наметанъ и смѣтливъ

чутьемъ; смѣтливость эта походила на безотчетную, безсознательную, но и безошибочную побудку животнаго; онъ самъ себѣ положилъ скромное небольшое жалованье — не получая отъ господъ ничего, потому что дворня обшивалась на счетъ *портноваго* или портновыхъ денегъ, собиравшихся съ крестьянъ, и получала мѣсячину — и оправдывалъ это тѣмъ, что «подобаетъ мзда дѣлателю», но болѣе чѣмъ на эту штатную сумму онъ господъ не обкрадывалъ и считалъ себя самымъ честнымъ человѣкомъ въ мірѣ.

Управитель съ дворецкимъ, на общемъ совѣтѣ, стали рядить о томъ, какъ принять барина и умилостивить его. Управитель, при всѣхъ неудачахъ и безпорядкахъ своихъ, сильно повѣсилъ носъ и придумалъ только одно: кинуться барину въ ноги и лежать пластомъ, доколѣ онъ не подыметъ его пинкомъ; дворецкій же разсуждалъ совсѣмъ иначе, не робѣлъ и ободрялъ своего товарища.

— Кто же это станетъ самъ на себя петлю надѣвать, говорилъ онъ, — вѣдь

эдакъ–то ты только напугаешь барина, подумаетъ и Богъ вѣсть что сталось, а у насъ, слава Богу, все благополучно. Нѣтъ, Василій Александрычъ, не годится, ты меня послушай: барскія ножки отъ тебя не уйдутъ, это пусть впереди будетъ, а огорчать молодаго барина не надо; ты ему толкуй, что–де вся надежда наша полагается на премудрость вашу, смиловался Господь надъ сиротами, принесъ вашу милость къ намъ, обогрѣетъ красное солнышко вѣрныхъ рабовъ вашихъ, и дѣла–де наши при васъ пойдутъ не тѣмъ порядкомъ, а ужь какъ они пойдутъ тамъ, его воля, и самъ увидитъ, ты только свое неси. Ну, а мы его потѣшимъ, два хлѣвочка опростаемъ, хоть по крестьянамъ раздадимъ овецъ, и подобающимъ порядкомъ покрасимъ ихъ, хлѣвки–тѣ, да борзыхъ и гончихъ посадимъ. Я ужь объ этомъ дѣлѣ позаботился; барыня намъ ошейничковъ бисерныхъ наплететъ, да гарусныхъ либо еще и шелковыхъ своръ, вотъ что надо дѣлать, Василій Александрычъ, а тугою поля не перейдешь!

Такъ и сталось: очнувшись отъ обмороковъ, придя въ себя и убѣдившись въ неминучести пріѣзда Вадима, мамаша, словно сговорясь съ своимъ дворецкимъ, тотчасъ рѣшила, что надо припасти всѣ угоды и потѣхи, занять ими сынка, и отвлечь его отъ вмѣшательства въ хозяйство и счеты. Комната для Вадима была убрана, стѣны увѣшаны всѣми ржавыми доспѣхами, какіе нашлись у дворецкаго въ кладовой, шитые ошейники, шелковыя своры, бисерные чубуки, кисеты съ вензелями свидѣтельствовали о нѣжной материнской любви, и Маріонила должна была сидѣть за этими полезными работами день и ночь. Между тѣмъ, дворецкій, молча и безъ шуму, подготовилъ псарню свою, съ выжлятами и хортами, съ псарями и доѣзжачими, и спокойно выжидалъ что будетъ.

Маріонила, въ небольшомъ смятеніи, съ любопытствомъ ждала пріѣзда названнаго братца, сама еще не сознавая, какое положеніе достанется на ея долю въ этой новой обстановкѣ ихъ домашняго быта. Ей

почему–то казалось, что положеніе ея будетъ правильнѣе и почетнѣе, но и затруднительнѣе.

Во время полуночной бесѣды Осинина и Добрынина съ Вадимомъ, на станціи, огни на усадьбѣ его уже были погашены, все покоилось, а рано утромъ молодой гвардеецъ вихремъ налетѣлъ во дворъ, подъ знакомое крыльцо, и мигомъ суматоха подняла всѣхъ на ноги, отъ псарни и до спальни.

III. Молодой баринъ.

Итакъ, Горячевъ пріѣхалъ домой съ чистою отставкой и съ твердымъ намѣреніемъ взять въ руки все хозяйство села Духовщины, изобличить и прогнать всѣхъ мошенниковъ, которые окрадываютъ его, обрѣзать немножко мать, которая и слышать не хотѣла о выдѣлѣ ей седьмой части, говорила: все его, все сына, мнѣ ничего не надо, а сама проживала всѣ доходы и еще должала гдѣ могла, словомъ, мы уже слышали изъ устъ самого Вадима

Петровича о всѣхъ благихъ намѣреніяхъ его, и намъ остается только взглянуть на ихъ исполненіе и порадоваться успѣху.

Послѣ перваго дня, отданнаго радости свиданія и отдыху въ семьѣ, гдѣ встрѣча пары, новыхъ для него, голубыхъ глазъ расположили его къ веселости и кроткому обращенію, предполагалось заняться на другой же день строгимъ осмотромъ и повѣркой управленія по дому, по сельскому хозяйству и по фабрикѣ. «Это мы все обвертимъ вкругъ пальца.» Уже свечера мысль эта, однако впервые, стала потревоживать Вадима, какъ будто внезапная близость событія захватила его врасплохъ, и ему самому пришла на умъ поговорка: «какъ же такъ, рядился въ годъ, а завтра срокъ?»

Проснувшись отъ крѣпкаго сна и сладкихъ грезъ, Вадимъ Петровичъ оглянулся въ комнатѣ своей, остановился на развѣшанной охотничьей сбруѣ, на шитыхъ, вязаныхъ и плетеныхъ ошейникахъ, смычкахъ, сворахъ и сумкахъ. «При всемъ томъ однакоже мамаша

предобрая душа, что она и объ этомъ подумала, и, конечно, тутъ половина работы сестрички моей — а вѣдь и это она умно сдѣлала, что взяла въ домъ такую прелесть; наконецъ, и дворецкій мой позаботился сохранить все оружіе это въ цѣлости и въ изрядной чистотѣ....» Онъ позвонилъ, и вошелъ самъ дворецкій, поклонился, сталъ у дверей, отвѣсилъ еще скромный поклонъ, поздравилъ съ пріѣздомъ, со счастливымъ прибытіемъ, съ благополучнымъ пріютомъ подъ отцовскимъ кровомъ, принесъ привѣтъ отъ всей дворни, которая готовится поставить по свѣчкѣ и отслужить на радостяхъ молебенъ.

— И съ порошей поздравляемъ васъ, Вадимъ Петровичъ, прибавилъ онъ, взглянувъ въ окно, — тепло, тихо, а пороша короткая, передъ самымъ свѣткомъ выпала; бывало, царство ему небесное, покойный вашъ батюшка ни за что эдакого золотаго дня не упуститъ, съ десятокъ матерыхъ съ одного поля важивалъ, а случалось, какъ вздумаетъ на овраги ѣхать, въ кучегуры, и на краснаго нападалъ....

Вадимъ вскочилъ съ постели, будто ударили тревогу; пошли разспросы, къ изумленію и радости своей, онъ услышалъ, что припасена полная охота, и гончія слаялись, словно колокольчики заливаются, и лягавыя натасканы, мертвую стойку стоятъ, и барская свора псовыхъ ловцовъ въ одиночку отобрана....

— Сѣдлать! закричалъ Вадимъ: — давай скорѣе завтракать, присылай Гаврилу одѣваться!

Только и надо было старому воробью, онъ вышелъ, а управитель, бывшій дядька, вошелъ. Умываясь, одѣваясь, снаряжаясь и завтракая, баринъ выслушалъ всѣ отчеты и донесенія его, и благодаря отличной порошѣ, остался всѣмъ изрядно доволенъ, приговаривая только, что надобно взять хозяйство въ руки, надо все устроить, надо распорядиться такъ, чтобы были доходы получше; осторожныя сомнѣнія и жалобы Василія Александровича насчетъ положенія фабрики, затратъ и неустойки въ поставкѣ суконъ, отъ разныхъ неудачъ и несчастій, заставили–было барина свести брови въ

комъ и наморщить чело, но въ это самое время дворецкій, стоявшій за дверьми наслуху, приложа ухо, впустилъ, для перваго знакомства, барскую свору густо–псовыхъ, бусую и муругую, которыя, по приказанію барина, были спущены, и пошли, какъ малые ребята, бѣшено прыгать по диванамъ, кровати и столамъ.... Этимъ все было покрыто.

— Труби въ рогъ! На конь.... Проходя черезъ залу, съ арапникомъ въ рукахъ, онъ увидалъ въ зеркало Маріонилу, въ гостиной, за чайнымъ столомъ; онъ схватилъ шапку съ головы, вошелъ, и ласково подавая ей руку, извинился, что такъ рано обезпокоилъ сестрицу, заставивъ на себя служить. — Вѣдь я еще не знаю вашихъ порядковъ, но впередъ этого не будетъ, это дѣло ключницы, дворецкаго....

— Напрасно, возразила та, — прошу васъ, Вадимъ Петровичъ, оставьте за мною хоть эти бездѣльныя заботы, я бы рада была отблагодарить матушкѣ вашей всѣмъ....

— Для чего же ты, вы, сестрица, зовете меня какъ чужаго? вѣдь мы свои, зовите меня братцемъ....

Братецъ ускакалъ, а сестрица, сидя еще съ часокъ за работой, до встанья Марьи Ивановны, призадумалась. Положенiе ея было ей ново, какъ будто все вкругъ нея перевернулось. Сынъ названной матери ея, конечно, почему же онъ ей не братъ, но какой–то глухой внутреннiй голосъ остерегалъ и отклонялъ ее отъ этого братства, а когда она хотѣла вникнуть глубже, яснѣе въ чувство это и отдать себѣ въ немъ отчетъ, то все исчезало, и она оставалась въ недоумѣнiи. Она выросла одиноко, безъ ровни, въ строгой подчиненности, среди свѣтскихъ обрядовъ приличiя, среди невыносимой лжи, и едва ли съ кѣмъ могла хоть разъ перемолвить задушевное слово. Одинъ только человѣкъ, и будто на одно только мгновенiе вызвалъ– было въ ней какое–то отрадное чувство, готовность высказать все что было на душѣ, просить совѣта, наставленiя, утѣшенiя, но это былъ какой–то сонъ на яву,

промелькнувшій заревомъ и покинувшій за собою опять ту же тьму; такъ отзывалась въ ней встрѣча съ Добрынинымъ. Вспомнимъ не только одиночество, но и сиротство ея, и даже время, въ какое она жила: это была пора, когда нѣжные альбомы уже стали выходить изъ обычая, но тетрадки со стишками были необходимостью для каждой грамотной дѣвицы, хотя въ тетрадкахъ этихъ и читалось иногда *взоръ гнусный*, вмѣсто: *грустный*, или *раздушистые кусты*, вмѣсто: *розъ душистые кусты*, или что–нибудь въ такомъ родѣ; это была пора, какъ мы уже сказали, господствованія надъ молодежью духа Жуковскаго, духа нѣжности и чистоты, но также избалованной, тунеядной мечтательности, созерцательной косности; все это надо помнить, чтобы живо вдуматься въ положеніе и состояніе Маріонилы.

Прошло еще нѣсколько времени, и въ Духовщинѣ началъ устраиваться, въ домашнемъ быту, родъ какого–то обиходнаго порядка; Горячева смирилась, и

о затѣѣ ѣхать въ Москву, «за пѣснями», какъ говорилъ управитель, не было и рѣчи; Вадимъ Петровичъ леталъ по всѣмъ сосѣдямъ и надѣлалъ много шуму, какъ новый женихъ; ради его, и Маріонила внезапно попала въ такую честь, что невѣсты въ околоткѣ дружились съ нею взапуски и любезничали насчетъ обожаемаго ими братца ея, тогда какъ *Саксонка* или *солдатская дочка*, до пріѣзда названнаго братца ея, оставалась незамѣченною; и это также ставило ее въ какое–то лестное и непривычное положеніе, коимъ она обязана была заступнику своему, но она все еще дичилась его, сама не понимая отчего. Хозяйство, какъ ему казалось, онъ уже почти привелъ въ порядокъ, управитель и дворецкій оказались вовсе не такими негодяями, какъ онъ предполагалъ; матери назначилъ онъ седьмую часть доходовъ, объявивъ ей объ этомъ черезъ управителя, а остальными онъ до времени кой–какъ изворачивался, надѣясь впередъ на свои улучшенія; пріѣзжая съ отъѣзжаго поля, или изъ

гощенья у сосѣдей, онъ дома находилъ милую сестричку, безъ которой, съ одной маменькой, было бы невыносимо пусто и мертво.

Такъ время шло помаленьку, какъ вдругъ по всей округѣ пошла намолчка о какихъ–то сильныхъ раздорахъ въ семьѣ Горячевыхъ, причемъ иные винили мать, своевольную и властолюбивую, другіе всесвѣтнаго жениха, надменнаго и дерзкаго, третьи даже бѣдную Маріонилу, на которую, послѣ тѣсной, искательной дружбы, вскинулось все женское ополченіе, увѣряя, что она задумала прибрать названнаго братца себѣ и всѣхъ родовитыхъ невѣстъ его оставить съ носомъ. Слухи эти дошли какъ–то и до Александра Сергѣевича Осинина, и онъ вспомнилъ о своемъ обѣщаніи племяннику, Степану Никитичу Добрынину, узнать что можно о голубоглазой Саксонкѣ и написать ему, о чемъ племянникъ напоминалъ ему уже въ двухъ письмахъ. Подумавъ какъ бы это сдѣлать, старикъ, не пускавшійся доселѣ никогда въ подобные розыски, рѣшился

наконецъ ѣхать, подъ предлогомъ проѣзда, къ двумъ сестрамъ, дѣвственнымъ старушкамъ, отъ коихъ ни одна душа въ трехъ уѣздахъ не могла затаить ни одной задушевной мысли; передъ ними, какъ передъ Предвѣчнымъ Судьей на страшномъ судѣ, все было открыто. Брюсову календарю льготно врать, пророчествуя на сто лѣтъ, тутъ все съ рукъ сойдетъ, а эти двѣ родныя бабы–яги знали все прошлое и настоящее, до волоска, и повѣрка была налицо. Онѣ, между прочимъ, гадали и на кофеѣ, и въ карты, и еще по разнымъ примѣтамъ, но не гласно, а только для надежныхъ друзей и по довѣренности. Этимъ ли, инымъ ли какимъ путемъ, но, повторяю, что дѣлалось на триста верстъ въ округѣ, то имъ было вѣдомо, день по дню, какъ свои пять пальцевъ, и ради любимаго племянника своего, Осининъ рѣшился собрать у нихъ кой–какія справки. «Источникъ мутноватый», подумалъ онъ и самъ, садясь въ коляску, но пожавъ плечами, отвѣчалъ себѣ: «А что же стану

дѣлать, куда же я сунусь? Можетъ–быть, что–нибудь да узнаю.»

И Александръ Сергѣевичъ не ошибся, онъ что–нибудь да узналъ. Не понадобилось большихъ ухищреній, чтобы навести эту нѣжную чету неразлучекъ на послѣднюю новость въ уѣздѣ, раздора у Горячевыхъ, и онѣ сами чуть не встрѣтили ею Осинина въ пріемной.

IV. Сирота на распутьи.

Добрынинъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, въ офицерской казармѣ, въ Питерѣ, и задумчиво перечитывалъ и вертѣлъ въ рукахъ письмо; трубка давно погасла, чай передъ нимъ простылъ, и онъ, приподнявъ руку, въ десятый разъ сталъ пробѣгать глазами дядино письмо.

«Любезный сынъ мой! такъ я буду называть тебя, Степанъ, со времени послѣдняго нашего свиданья, гдѣ я впервые узналъ тебя, какъ мужа. Трудную ты задалъ старику задачу: ты настойчиво требуешь, чтобъ я тебѣ писалъ о Маріонилѣ

Богдановнѣ, и отзывъ мой объ ней очевидно можетъ рѣшить всю будущую жизнь твою. Согласись, что приступить къ такому дѣлу не легко, а потому и не мудрено, что я медлилъ. Люди въ домѣ и иные сосѣди хвалятъ и жалѣютъ ее, говорятъ, что она мученица почтенной Маріи Ивановны — и въ послѣднемъ я не сомнѣваюсь, я уже говорилъ тебѣ, что это за бабища. Нилочка, какъ она романически перекрестила пріемыша своего, ходитъ у нея по стрункѣ, въ черномъ тѣлѣ, и ее маловато знаютъ; при людяхъ же Марья Ивановна самая нѣжная мать и не нарадуется, глядя умильно названной дочери своей въ глаза. Но въ послѣднее время сталась большая перемѣна: прикатилъ сынъ, гвардеецъ, какъ и ты, но нравомъ не въ тебя, — да вѣдь ты его видѣлъ; чванный и наглый, надутый и дерзкій, даже противъ родной матери, своевольный, онъ однакоже очень сдружился съ названною сестрицею своей, уничтожилъ власть и голосъ матери въ домѣ, гдѣ она очутилась чѣмъ—то въ родѣ

приживалки, а господами стали молодые бары. Словомъ, дошло до того, что ужь стали сожалѣть объ участи матери (по—моему, ей подѣломъ), а о молодыхъ—то также добраго слова не слышно. Не стану я пересказывать тебѣ всего того, что мнѣ наговорили двѣ сосѣдки наши, двѣ сестрицы—неразлучки, потому что онѣ никогда и ни на комъ и волоса добраго не покидали, — но молва не хороша, а проникнуть всѣ тайны сплетень этихъ, я, другъ и сынъ мой, не сумѣю, на это я неспособенъ. Въ семьѣ Горячевыхъ вышелъ изъ—за этого какой—то шумъ и раздоръ, о которомъ всякій оретъ по—своему, а иной и шепчетъ, перегородя ротъ. Заключеніе мое такое: ты видѣлъ дѣвушку только пять—шесть разъ, едва ли ты могъ привязаться къ ней на—смерть; горячее сердце твое не вдругъ перечапитъ разсудка — забудь о прошломъ, кажется, ты ошибся.»

Вотъ письмо, которое поставило въ такое раздумье Добрынина, и онъ едва опомнился, когда одинъ изъ товарищей его влетѣлъ къ нему съ оперною трелью въ

гортани и торопилъ его одѣваться, потому что они согласились наканунѣ ѣхать вмѣстѣ въ театръ. «Кстати», подумалъ Добрынинъ, и хотѣлъ отдѣлаться головною болью; но другъ этотъ былъ не изъ робкаго десятка, спѣлъ пѣсенку о больной головушкѣ, закричалъ: «Эй, Михайла, барину одѣваться!» и продолжалъ въ томъ же духѣ, торопя товарища и не отвѣчая ни слова на отговорки его, будто ихъ и не слышитъ.

— Плюнь на все, братецъ, я вѣдь вижу, что съ тобой дѣлается, да это все вздоръ: растаялъ передъ какою–нибудь красотой, добытою напрокатъ изъ косметическаго магазина, передъ нѣжнымъ сердцемъ, приспособленнымъ по роману мадамъ Жанлисъ, — дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ, — ѣдемъ!

И поѣхали. Добрынинъ вспомнилъ, при сказанной товарищемъ его наобумъ остротѣ, дядины слова: «забудь о прошломъ, кажется, ты ошибся;» онъ старался вызвать въ себѣ вспышку негодованія и презрѣнія, и отдался своему

вѣтреному товарищу, не умѣвшему, до поры, грустить ни о чемъ.

Но тамъ, въ театрѣ, будто насмѣхъ, поразила его такая нечаянность, которая не дала ему позабыть о томъ, отчего онъ только что бѣжалъ изъ дому: товарищъ указалъ ему на очень молодую, красивую женщину, которая сидѣла въ одной изъ лучшихъ ложъ посрединѣ, одна, а съ нею было двое мущинъ, старый полковникъ, котораго Добрынинъ встрѣчалъ гдѣ–то, и молодой человѣкъ, во фракѣ. Онъ съ перваго взгляда узналъ нарядную Маріонилу, и былъ до того изумленъ, что не могъ собрать ни словъ, ни мыслей, и радъ былъ просидѣть нѣсколько минутъ спокойно, подъ ревъ смычковъ и стукъ тулумбаса.

Скажемъ теперь, какимъ образомъ Маріонила такъ внезапно очутилась въ Питерѣ.

Фыркая самодовольствіемъ во всѣ стороны, пуская пыль по силамъ, Горячевъ былъ увѣренъ, что приводитъ разстроенное хозяйство свое въ отличный порядокъ, а

самъ гонялся по полямъ за зайцами и разъѣзжалъ по всему околотку знакомиться и разыскивать богатыхъ невѣстъ. Дома, отъ нечего дѣлать, онъ дружился съ миленькою сестрицей, любезничалъ съ нею, угождалъ ей, а съ матерью становился все нетерпѣливѣе и грубѣе. Стали обнаруживаться должишки матери, сдѣланные безразчетно и, конечно, безъ вѣдома его, заимодавцы тревожили его, и онъ выходилъ изъ себя, надменно отдѣлывался отъ нихъ, потомъ, разбранившись съ матерью, уѣзжалъ на сутки въ поле или въ сосѣди. Сколько ни отмалчивался старый управитель, который велъ дѣла какъ умѣлъ, черезъ пень въ колоду, но онъ поневолѣ долженъ былъ, при разныхъ учетахъ, показывать прямо, по книгамъ, что такія–то и такія–то деньги взяты были матушкой Марьею Ивановною, а такія–то заняты по ея же настойчивому приказанію, а платится за нихъ по двѣ копѣйки съ рубля въ мѣсяцъ. Не умѣя приняться толкомъ ни за какое дѣло, а тѣмъ менѣе спокойно обдумать и устроить

его, Вадимъ Петровичъ также хозяйничалъ, какъ умѣлъ, то–есть бранился, строго приказывалъ, задавалъ всѣмъ грозу и уѣзжалъ куда–нибудь на потѣшку, въ увѣренности, что теперь все пойдетъ какъ по маслу. «Отговорокъ я не принимаю никакихъ,» думалъ онъ, входя въ комнаты матери, чтобъ и съ нею побраниться, и въ это самое время услышалъ строгое и рѣзкое нравоученіе ея Маріонилѣ, къ которой она придралась по причудамъ своимъ, не зная на комъ выместить невзгоду. Вадимъ Петровичъ, объявившій себя уже не разъ прежде заступникомъ милой сестрицы, едва удерживавшій порывы свои во фронтѣ, не считалъ нужнымъ дѣлать это у себя въ домѣ, и разразился грозой, которая навела страхъ на всѣхъ. Онъ вышелъ изъ себя и наговорилъ матери самыхъ неприличныхъ грубостей, перемѣшавъ въ негодованіи своемъ въ одно и мотовство ея, и дурное хозяйство, и долги и растрату, и наконецъ дурное обращеніе съ милою сестрицей.

— Никто не могъ дать вамъ права, прибавилъ онъ, между прочимъ, — на такое

заносчивое помыканье дѣвушкой, которая легко можетъ занять здѣсь ваше мѣсто и сдѣлаться хозяйкой въ домѣ.

Можно представить себѣ, какъ послѣдняя выходка озадачила и Марью Ивановну, и даже Маріонилу, коимъ, несмотря на различіе ихъ положенія, ни той, ни другой, мысль эта не приходила въ голову: обѣ онѣ испугались такъ, что не смогли слова вымолвить; Марья Ивановна, прочившая за сынка первыхъ невѣстъ въ губерніи, мечтавшая о почетѣ своемъ, при сватовствѣ, на сговорѣ, на свадебныхъ пирахъ, о почестяхъ, въ какихъ будетъ жить послѣ, породнившись со всѣми графами и князьями, вдругъ увидѣла передъ собой картину семейнаго счастія, гдѣ она живетъ, въ домѣ своемъ, въ забросѣ и загонѣ, одинокая, всѣми покинутая, а хозяйкой, на ея мѣстѣ, принятая ею же сирота, коею она помыкала какъ горничной; Маріонила, передъ которою также внезапно открылся новый видъ на будущность ея: переименованіе изъ робкихъ сестрицъ въ почетныя рабыни

своевольнаго, взбалмошнаго братца, и пріятное положеніе посредницы, между братцемъ или супругомъ, или повелителемъ этимъ, и неугомонною, происскливою и несчастною своею благодѣтельницей! Она встала, вышла изъ комнаты, предоставивъ Марьѣ Ивановнѣ съ сыночкомъ кончить про себя бесѣду эту, и слышала только еще отчаянное заявленье первой, что она никогда этого не позволитъ, и рѣшительный отвѣтъ втораго, что никто не уполномочивалъ ея на подобное запрещеніе, которое было бы и вздорно, и безсильно, надѣлавъ ей одной позору.

Маріонила обдумывала у себя въ комнатѣ положеніе свое и съ трудомъ могла собраться съ мыслями. Какое ей отнынѣ предстояло житье въ домѣ, самъ–третей съ матушкой и съ братцемъ, гдѣ она, безъ малѣйшаго повода съ своей стороны, сдѣлалась причиной такого разрыва между послѣдними двумя? А между тѣмъ, куда дѣваться? Такъ прошелъ вечеръ, голова отъ слезъ разболѣлась, и она не солгала, отказавшись выйдти по нездоровью. «О,

думала она, еслибъ я осталась у дѣдушки, у названнаго отца своего....» Марья Ивановна, по той же причинѣ, сидѣла въ отчаянномъ разстройствѣ у себя въ комнатѣ, а Вадимъ Петровичъ, какъ пѣтухъ–побѣдитель, посвиставъ и попѣвъ громко по всему дому, соскучился и куда–то укатилъ. Но избѣгнуть встрѣчи, а съ тѣмъ вмѣстѣ, вѣроятно, и объясненій съ братцемъ, можно было день, много, если два, а тамъ предстояла развязка. Вадима стало брать нетерпѣніе, что–де это значитъ, что сестрицы не видно? Онъ былъ увѣренъ, что она не будетъ знать куда дѣваться передъ нимъ отъ всенижайшей любви и благоговѣйной признательности, и думалъ: «Одно изъ двухъ, или Нилочка, по дѣвичьей робости своей, не рѣшается на встрѣчу со мной, или, чего добраго, не запретила ли ей общая благодѣтельница наша показываться? Вотъ этого еще не доставало!»

— Эй, Машка, поди, спроси Маріонилу Богдановну, можно ли къ ней взойдти, мнѣ надо ее видѣть!

Маріонила уже обдумала и уяснила себѣ все, отвѣты были у ней готовы, и она тотчасъ же встала съ мѣста и вышла къ Вадиму Петровичу въ общую комнату. Въ избыткѣ самодовольствія своего, онъ очевидно готовъ былъ принять уничиженную и благодарную дѣвушку въ объятія свои, какъ, увидавъ ее, невольно смутился, ограничась однимъ какимъ–то неяснымъ восклицаніемъ.

— Вы желали меня видѣть, сказала она спокойно, остановясь на разстояніи отъ него.

— Вы.... да.... я.... васъ совсѣмъ не видно, я, право, соскучился безъ васъ.... я думалъ, мы дружески переговоримъ словечко о томъ.... да что же вы на меня такъ чинно смотрите, даже ласковаго слова не скажете за мое заступничество....

Маріонила подошла къ столу и присѣла на стулъ.

— Вы меня вызвали, Вадимъ Петровичъ, и я готова отвѣчать на вопросы ваши, хотя, признаюсь, мнѣ очень трудно. Я обязана

вамъ за доброжелательство ваше, но въ дѣлѣ этомъ беру сторону вашей матушки.

— Какъ? и вы на меня? Вы находите, стало–быть, что она права, права, разстроивъ хозяйство мое, права, надѣлавъ долговъ, которые мнѣ же приходится платить, права, наконецъ, обращаясь съ вами какъ съ служанкой?

— Я нахожу, если вы уже вызываете меня на прямой отвѣтъ, что говорить съ матерью такъ, какъ мнѣ довелось слышать, нельзя.

— Помилуйте, да я же за васъ заступился, я не могу позволить, чтобы съ вами такъ обращались!

— Я благодарна вамъ за доброе ваше намѣреніе.... но, извините меня, такое заступничество не можетъ поправить дѣло, а на душѣ у васъ должно быть очень тяжело....

Въ Горячевѣ все кипѣло, онъ съ трудомъ удерживался, помня, что говоритъ съ дѣвицей и при томъ съ тою, которую мгновенная прихоть его, а можетъ–быть

отчасти и горячность разговора, поставила въ особенное къ нему положеніе.

— Да развѣ вы не поняли меня, сказалъ онъ, со страннымъ выраженіемъ какой–то страстной горячности и надменной самоувѣренности, — развѣ вы не поняли, кто, по искреннему желанію сердца моего, долженъ быть госпожой въ этомъ домѣ?

И онъ протянулъ ей руку черезъ столъ; Маріонила не подала руки своей, а собравшись съ духомъ, тихо и кротко, но твердо отвѣчала:

— Что до этого, Вадимъ Петровичъ, то вы слышали отвѣтъ матушки — примите его, какъ должно сыну, за рѣшеніе. Я ничтожная сирота, принятая и воспитанная ею, и я вамъ ни въ какомъ отношеніи не чета....

Онъ вскочилъ и еще съ большимъ жаромъ хотѣлъ разубѣдить ее.

— Постойте! сказала она такъ убѣдительно, что онъ невольно замолчалъ: — я отнюдь не желала бы оскорбить васъ, но настойчивость ваша вынуждаетъ изъ меня послѣднее слово:

неукротимая пылкость ваша можетъ только устрашить, но не привязать къ себѣ.

Она поклонилась и быстро вышла.

Горячевъ былъ до того озадаченъ, что на первый случай не доискался слова — такого отказу ему и въ голову не приходило. Онъ легкомысленно и безразсудно завязалъ все дѣло это, самъ еще не зная, вести ли его до конца или обратить въ шутку; онъ высказался, когда запальчивость и негодованіе на мать его обуяли, а теперь остался въ дуракахъ, самъ не понимая какъ это сдѣлалось.

Когда онъ опомнился, то въ немъ горѣло одно чувство личности и самотности своей, одно оскорбленное самолюбіе, и кипѣла злоба. Онъ первый распустилъ злую молву о черной неблагодарности и дерзости этой солдатской дочери, которая до того забылась, что вздумала завладѣть имъ и сдѣлаться госпожой въ домѣ.

Толки черезъ людей, черезъ знакомыхъ и сосѣдей, черезъ записныхъ сплетницъ, въ родѣ двухъ сестрицъ–неразлучекъ, пошли по всѣмъ угламъ и закоулкамъ уѣзда,

жаднаго до домашнихъ новостей, которыя, по временамъ, живили и пестрили однообразную жизнь. Не одна почтенная барыня, по поводу этого событія, приказывала закладывать рыдванъ свой и катила въ сосѣди, чтобы разузнать или разказать о новостяхъ изъ села Духовщины. Маріонилѣ не стало житья въ родномъ домѣ: она почти не выходила изъ своей комнаты и не выпускала изъ рукъ послѣдняго утѣшенія своего: материнскаго Евангелія и завѣщанія ея, которое всегда носила на себѣ въ ладонкѣ. Ей въ этомъ страшномъ одиночествѣ нуженъ былъ совѣтъ, помощь, нужна была какая–нибудь живая душа, съ которою бы можно было перевести духъ, свободно вздохнуть. Она ничего не понимала, ничего не предвидѣла для себя, кромѣ того, что жизни этой, въ обществѣ злой, лукавой женщины и грубаго, дерзкаго, мстительнаго сына ея, коимъ она обѣимъ была въ тягость, долго вынести нельзя.

Невдалекѣ, на усадебкѣ своей, жила женщина, вдова среднихъ лѣтъ, которую

Маріонила знала не близко, видавъ ее лишь нѣсколько разъ, но которую она любила и уважала по чувству, и ей–то она рѣшилась ввѣриться въ отчаянномъ положеніи своемъ. Она написала ей немного строкъ:

«Простите смѣлости моей.... я безпомощна, одинока, не знаю что дѣлать, куда дѣваться! Вы говорили со мной не много, но всегда кротко и ласково — другаго такого задушевнаго голоса я не слыхала. Ради Бога, навѣстите насъ, дайте мнѣ отвести душу на словѣ вашемъ и материнскомъ совѣтѣ!»

Добрая сосѣдка тотчасъ пріѣхала — на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей — и выслушавъ терпѣливо, часа два сряду, всѣ хитро сплетенныя росказни Марьи Ивановны, коими она старалась прикрыть все случившееся въ домѣ, выставляя себя жертвой материнской любви и неблагодарности «этой дѣвчонки», она вышла съ Маріонилою въ садъ, поспѣшила, осторожно оглядываясь, пройдти подальше, а тамъ и въ поле, и въ рощу, и тутъ узнала всю истину и всѣ страданія бѣдной

Маріонилы. Подумавъ и утѣшивъ ее какъ могла, она рѣшила, что оставаться въ этомъ домѣ Нилочкѣ нельзя, и вечеромъ, прямо и просто попросила хозяйку отпустить ее на время къ ней. Нечаянность этого предложенія поставила–было Марью Ивановну въ раздумье, но настоятельность просьбы и нравственный перевѣсъ просительницы вызвали, наконецъ, нерѣшительное «пожалуй», коимъ Маріонила со слезами и объятіями спѣшно воспользовалась.

Разговорившись дома еще подробнѣе съ Маріонилою, эта добрая и толковая женщина разсудила, что бѣдной дѣвушкѣ возвращаться къ Горячевымъ не должно и что всего бы лучше ей на время куда–нибудь уѣхать. Близкая пріятельница этой женщины, богатая, простая, но весьма добрая, Наталья Алексѣевна Чумина, собиралась въ это время въ Питеръ, для отвоза дѣтей на воспитаніе, а обратно должна была ѣхать одна; заступница Нилочки привезла новую гостью свою къ Чуминымъ, разказавъ подробности о

несчастномъ положенiи сиротки; участiе Чуминыхъ было самое сердечное, и Наталья Алексѣевна тотчасъ же пригласила ее съ собой въ эту поѣздку, отъ которой она, конечно, не отказалась и впервые свободно вздохнула, когда тяжело нагруженная дорожная карета помчалась на сѣверъ. Вотъ по какому поводу Марiонила внезапно очутилась въ Питерѣ.

V. Челнъ къ берегу.

Дѣла Горячева шли быстро подъ гору. Долги его сокрушали, а онъ не унимался и моталъ; хозяйство пошло еще гораздо хуже прежняго, по безтолковому вмѣшательству его порывистыми приказами, отказами, неисполнимыми распоряженiями, которыя обычно повершались короткимъ рѣшенiемъ: «Ничего знать не хочу, чтобъ было!» Бѣдный управитель сперва–было вздыхалъ, пожималъ плечами, убѣждалъ, но увидѣвъ, что тутъ ничѣмъ не пособишь, самъ утѣшился поговоркой: «не пришлось поле ко двору, пускай его подъ гору!» и махнувъ

рукой, съ горя сталъ попивать, чего доселѣ за нимъ не бывало. Ко всему этому Горячевъ еще глупымъ образомъ поссорился съ судьей, написавъ ему повелительное, грубое письмо, съ требованіемъ оправдать и отпустить духовщинскаго крестьянина, вора, приговореннаго въ ссылку, и отпустить по той причинѣ, что баринъ хочетъ отдать его въ солдаты и продать квитанцію; изъ этого браннаго письма пошло дѣло. Въ чаяніи поправиться богатою невѣстой, Горячевъ сталъ ухаживать за дочерью и единою наслѣдницей въ другомъ уѣздѣ, ѣздилъ за ними не одинъ разъ въ губернскій городъ, пускалъ пыль, обзавелся щегольскими экипажами, истратился и нажилъ отказъ и новые долги. Все это вмѣстѣ довело его до того, что имѣніе поступило подъ опеку.

Тогда только Вадимъ Петровичъ поневолѣ немного образумился и осѣлся. Побранившись еще разъ съ матерью, на которую сваливалъ всю вину разстройства имѣнія, онъ въ добрый часъ послушался совѣта управителя, просить себѣ въ

опекуны Александра Сергѣевича; этотъ де человѣкъ, по словамъ стараго дядьки, поправитъ дѣло толкомъ, да и до васъ онъ будетъ хорошъ, не обидитъ; а вотъ какъ назначатъ какого—нибудь Собникова, тогда что станешь дѣлать? Онъ, пожалуй, охотникъ до опекъ, да вѣдь ужь онъ васъ до кону раззоритъ, ничего съ него не возьмете.

Подумавъ въ смиренiи своемъ, Вадимъ Петровичъ рѣшился ѣхать тотчасъ и къ предводителю, а съ нимъ вмѣстѣ и къ Осинину. Этотъ призадумался–было, но не считая себя въ правѣ отказываться наотрѣзъ отъ этой общественной должности, поддался просьбамъ и убѣжденiямъ предводителя, поставилъ Горячеву свои условiя и принялъ опеку.

Поѣхавъ принимать дѣла и имѣнiе Горячева, Осининъ сошелся съ нимъ поближе и сослужилъ ему первую службу, объяснивъ ему важность безразсудной ссоры его съ судьей и отвѣтственность за подобное письмо, и покончилъ это дѣло мировою, за которою въ придачу пошла

каурая пристяжная подъ масть судейской коренной.

Но у Осинина съ ума не шла эта сиротка, Саксонка, о которой онъ долженъ былъ отозваться такъ дурно племяннику своему съ чужихъ словъ. Внезапный переѣздъ Маріонилы въ чужой домъ, къ женщинѣ уважаемой, отъѣздъ ея съ Чуминой, разнорѣчіе молвы объ этомъ, все смущало иногда старика и тревожило чуткую совѣсть его; «Ну, думалъ онъ, какъ я согрѣшилъ и оклеветалъ бѣдную дѣвушку, нехотя?» Онъ рѣшился поговорить объ этомъ при случаѣ съ Горячевою и съ сыномъ ея, своимъ опекаемымъ. Отзывы ихъ показались Осинину подозрительными, будто онъ слышалъ какіе–то отголоски оскорбленнаго самолюбія, и кромѣ общаго обвиненія въ неблагодарности, въ томъ, что безродная, призрѣнная сирота забылась, онъ не узналъ ничего; Марья Ивановна размазывала дѣло слишкомъ широко и нѣжно, соболѣзнуя о неблагодарной, а Вадимъ Петровичъ отвѣчалъ слишкомъ коротко и отрывисто,

съ какимъ–то презрѣніемъ и скрытно. злобой. Осининъ еще болѣе встревожился и не зналъ бы какъ быть, еслибы тупой, недогадливый дворецкій не принялъ искони за правило подслушивать за дверьми бесѣды господъ и вслѣдствіе этого не явился бы къ ночи, устранивъ Максимку, прислужить Александру Сергѣевичу и при семъ случаѣ не разказалъ бы ему спроста и съ плеча все что зналъ о барышнѣ Маріонилѣ Богдановнѣ.

По сему поводу Осининъ тотчасъ же написалъ къ своему племяннику Добрынину:

«Ну, братъ, Степанъ, безъ вины я виноватъ передъ тобой, а виноватъ. Все что я писалъ тебѣ объ извѣстной тебѣ личности — ложь, только не моей выдумки. Горько было жить этой бѣдняжкѣ въ кабалѣ у такой женщины, какою я описалъ тебѣ благочестивую кормилицу ея, а ужь и вовсе нестерпимо стало при новомъ самовластномъ домохозяинѣ. Да ея уже, слава Богу, и нѣтъ тутъ, добрые люди ее призрѣли, и Чумина взяла ее къ себѣ и

увезла. Не хочу тебя разжалобить всѣмъ этимъ, можетъ—быть, это было бы теперь и вовсе не кстати, но считаю дѣломъ совѣсти отречься отъ перваго письма моего и просить прощенія у ней, у тебя, у всѣхъ, наконецъ, до кого это могло бы касаться, въ невольной, грѣшной клеветѣ своей.»

Между тѣмъ, у Добрынина въ столѣ лежало давно уже начатое и брошенное по какой–то нерѣшимости письмо къ дяденькѣ, гдѣ говорилось, что онъ встрѣтилъ Маріонилу въ театрѣ, видѣлъ ее въ ложѣ съ двумя чужими мущинами, что она, по всей вѣроятности, уже замужемъ, и онъ считаетъ это дѣло конченнымъ и не хочетъ болѣе думать о немъ..... но послѣдняя строка была недописана, а за тѣмъ и все письмо это, повалявшись нѣсколько времени, было сожжено, и вмѣсто его написано совсѣмъ иное.

У Чуминой былъ въ Питерѣ двоюродный братъ, выросшій съ нею вмѣстѣ, Сила Львовичъ Бердышевъ, котораго она очень любила; онъ хлопоталъ о помѣщеніи привезенныхъ ею съ собою дѣтей въ

учебныя заведенія, почему она и отыскала себѣ жилье подлѣ него, и они видались ежедневно. Жена его, Агаѳья Яковлевна, была умная, образованная Нѣмка, на которой онъ женился за границей, и съ нею Чумина была какъ съ родною сестрой. Познакомясь ближе съ Маріонилой, узнавъ подробности сиротской жизни ея, нынѣшней безпріютности, и полюбивъ ее отъ души, Бердышева однажды вечеромъ, сидя вдвоемъ съ ней, сказала:

— Вѣдь мы съ вами, Маріонила, вдвойнѣ землячки, мать ваша была Саксонка, и я также, а теперь мы обѣ Русскія, вы должны меня полюбить какъ я васъ люблю!

Послѣ объятій и обоюдныхъ увѣреній въ любви и дружбѣ, Агаѳія Яковлевна продолжала:

— У васъ теперь нѣтъ надежнаго пріюта: куда вы дѣнетесь и для чего насъ покинете? Мы бездѣтны, у насъ только племянникъ въ домѣ, и мы всегда по этомъ скучали, я говорила уже съ мужемъ своимъ и съ Натальей Алексѣевной, останьтесь у насъ, и.... Маріонила, будь моею дочерью!

Нечего и говорить, что со стороны Маріонилы не только не могло быть отказа, но что радость и признательность ея не знали мѣры.

— И мужъ мой очень обрадуется твоему согласію, Маріонила, сказала хозяйка, когда онѣ обѣ нѣсколько успокоились, — и онъ тебя любитъ какъ отецъ.

Вскорѣ за тѣмъ онѣ, сидя вмѣстѣ однѣ, разговорились о прошломъ, и Агаѳья Яковлевна стала разспрашивать названную дочь свою о ея матери.

Маріонила въ отвѣтъ достала ладонку, которую всегда носила на себѣ, вынула изъ клеенчатой тафтяной сумочки сложенный подмоткомъ листокъ, развернула и подала его третьей названной матери своей, сказавъ:

— Вотъ все что я знала о моей матери; завѣщаніе это писано ея рукой и передано мнѣ при благословеніи меня названнымъ отцомъ моимъ, священникомъ....

Агаѳія Яковлевна не могла читать далѣе первыхъ пяти строкъ: мать Маріонилы была родная старшая сестра ея, которую она

много лѣтъ безуспѣшно разыскивала по всей Россіи.

Вотъ какими странными, неожиданными переворотами судьба для однихъ, а Провидѣніе для другихъ, выталкиваетъ человѣка изъ прямой колеи его и приводитъ, наконецъ, на предназначенный ему путь!

Изумленія и радости со всѣхъ сторонъ было много, а Маріонила, очутившись дочерью третьихъ отца–матери, на сей разъ прижилась съ перваго дня какъ у кровныхъ родителей своихъ.

Намѣреніе Добрынина, высказанное въ начатомъ письмѣ дяди, осталось въ столѣ, гдѣ валялось письмо. Одно любопытство, какъ онъ полагалъ, влекло его разузнать, какимъ образомъ знакомка его попала въ Питеръ и въ семейство Бердышева; вѣсти о разстройствѣ дѣлъ Горячева, объ опекѣ надъ нимъ дяди, и наконецъ письмо послѣдняго поджигали его неотвязно, и онъ легко нашелъ случай явиться къ Чуминой, какъ къ сосѣдкѣ по имѣнію, и отъ нея услышалъ всѣ подробности загадочнаго для

него дѣла. Черезъ нее же онъ познакомился и у Бердышевыхъ, гдѣ увидѣлъ, что его еще помнили, и прямымъ слѣдствіемъ этого было то другое письмо его къ дядѣ, которое замѣнило начатое, брошенное, а потомъ отреченіе. Онъ написалъ дядѣ всѣ подробности о причинахъ отъѣзда Маріонилы, о томъ, что ее здѣсь ожидало и встрѣтило, и просилъ благословенія его, по старому, доброму порядку, на свою женитьбу. Онъ не обнаруживалъ еще прямо намѣренія этого у Бердышевыхъ, но надѣялся сердцемъ, что отказу не будетъ. Дядя съ радостію согласился, а что еще важнѣе — Маріонила также, теткѣ же ея и подавно не было повода этому противиться. Дѣло состоялось, и никто изъ участниковъ объ этомъ впослѣдствіи не пожалѣлъ, а нынѣ молодое поколѣніе Добрыниныхъ, выросшее безъ французскихъ гувернантокъ, но подъ неотступнымъ вліяніемъ родителей чистой нравственности, давно уже, въ тѣсномъ кругу своемъ, пользуется заслуженнымъ уваженіемъ, и

если французское произношеніе у нихъ и не парижское, то сердце лежитъ къ родинѣ, они понимаютъ, что на каждомъ человѣкѣ лежатъ обязанности, и не одинъ изъ нихъ не бредитъ буестью и самотностью, подъ личиною высшихъ взглядовъ.